

Мари-Од Мюрай

СПАСИТЕЛЬ

И СЫНЫ | 5 СЕЗОН

САМОКАТ
СЕРИАЛ

Этот пятый сезон я посвящаю Артюру Кай и всем, кто просил меня написать продолжение четвертой части.

Но тем, кто распространяет свою ненависть и недовольство в интернете, я его не посвящаю.

А еще я посвящаю этот новый сезон фермершам и фермерам Луаре, где я живу.

Но не посвящаю его тем, кто бросает пластиковые бутылки и банки из-под пива в траву: это отвратительно, вредно для экологии и смертельно опасно для коров.

Мари-Од Мюрай

Мари-Од Мюрай

СПАСИТЕЛЬ И СЫН

5 СЕЗОН

*Перевод с французского Натальи Мавлевич,
Екатерины и Марианны Кожевниковых*

Москва
Самокат

ИНФОРМАЦИЯ ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Художественное электронное издание

Для старшего школьного возраста

*В соответствии с Федеральным законом № 436 от 29 декабря 2010 года
маркируется знаком **16+***

Оформление серии «Самокат-сериал» Влады Мяконькиной

Marie-Aude
Murail © Claude

осточере

Когда тебя зовут Спаситель, сложно не чувствовать себя ответственным за спасение мира. Спасителю Сент-Иву, клиническому психологу, иногда становится слишком тяжело нести эту ношу.

Старые знакомые пациенты: Марго, Бландина, Самюэль, Элла-Эллиот — повзрослели, и Спаситель надеется, что скоро некоторые из них смогут обходиться без его помощи. Фредерика продолжает искать свое счастье. Появились новые пациенты со своими необычными историями: жертва страшной семейной трагедии Луана и пожилая мадам Замани, которой

У Луизы и Спасителя назревает кризис, и в этом сезоне становится особенно понятно, как важно не держать свои проблемы в себе. Открытый дом — открытое сердце. Жизнь никогда не скупится для нас на неожиданные трудности!

И кстати, откуда все эти пациенты с больными животными?

*Любое использование текста и иллюстраций разрешено только
с согласия издательства.*

Original title: *Sauveur & Fils (saison 5)*

Text by Marie-Aude Murail

© 2019 *L'école des loisirs*, Paris

© М. Ю. Кожевникова, Е. Л. Кожевникова, Н.

С. Мавлевич, перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательский дом «Самокат», 2020

ISBN 978-5-00167-130-5

Говори всегда то, что видишь. Но главное — и это труднее всего — видеть то, что видят твои глаза.

Шарль Пеги

У каждого из наших поступков есть три причины: одной мы делимся с посторонними, во второй признаемся себе, а в третьей даже себе не признаемся.

Нашла у себя в дневнике, который писала в 17 лет

Ранее в сериале «Спаситель и сын»...

Спаситель Сент-Ив, родом с острова Мартиника, около 40 лет, клинический психолог, живет в Орлеане, в доме № 12 по улице Мюрлен. Его пациенты — гиперактивные дети, подростки с проблемами в школе, молодые женщины, отчаявшиеся найти любовь, юноши, которые боятся подойти к девушкам, супруги на пороге развода.

В возрасте трех лет Спасителя усыновила белая супружеская пара, Мишель и Мари-Франс Сент-Ив, владельцы ресторана в городе Сент-Анн. В школе его прозвали Баунти: «Черный снаружи, белый внутри». На Мартинике у него осталось много родни. Свою кровную семью он навестил в первом сезоне, повидался с дядюшкой Ти-Жо, старшей сестрой Эвелиной Бельроз и множеством сводных сестер и братьев, с которыми до этого не был даже знаком!

После трагической гибели его жены, Изабель Турвиль, Спасителю пришлось покинуть родную Мартинику. Он увез с собой своего сына Лазаря, маленького мальчика, метиса, родившегося в смешанном браке.

Двери дома на улице Мюрлен всегда широко открыты. Вместе со Спасителем живет его новая подруга **Луиза** со своими детьми **Алисой** и **Полем**, нашлось место и для бродяги Жово, который в прошлом был легионером, и для подростка по имени **Габен**, чья мать часто лежит в психиатрической больнице. А еще с ними живут несколько хомячков и морских свинок.

После четвертого сезона прошло два года. Что же стало с пациентами Спасителя **Бландиной** и **Марго Карре**, **Самюэлем Каэном**, **Лионелем** и **Мейлис**, **Эллой-Эллиотом**, **Фредерикой Жовановик**?

Кабинет психологической помощи месье Сент-Ива продолжает работать. Но если у вас нет чувства юмора, спешить не стоит.

НЕДЕЛЯ
с 12 по 18 марта
2018 года

— Я решила к вам обратиться, потому что вы лечите клиентов при помощи животных.

— Что-что, простите?!

— Вы ведь доктор, который лечит при помощи хомяков. Я не ошиблась?

От обилия нелепых заблуждений Спаситель на секунду лишился дара речи. Во-первых, он не врач — он психолог. Во-вторых, у него не клиенты, а пациенты. В-третьих, он...

— Для меня это важно, — продолжала Луана, — в Америке я ходила к психологу, который в качестве эмоциональной поддержки использовал животных.

— Так, так, так, — кивнул Спаситель.

Ну, в Соединенных Штатах чего только не бывает! Выяснилось, что мадемуазель Луана долгое время жила в Техасе, в городе Остин, и посещала известного психолога, который на протяжении нескольких сеансов определял, кто из зверюшек послужит вам эмоциональной поддержкой, поможет пережить житейские бури. Для Луаны таким помощником оказался хомячок, что, согласитесь, гораздо предпочтительнее, например, бегемота.

— Я приручила хомячка, самца. Правильнее сказать, это он меня приручил. Точнее, мы подошли друг другу. Его звали Катыш.

Спаситель сразу почувствовал, что это начало трагедии. Куда же Катыш укатился? Нашел другую хозяйку? Или погиб под колесами автомобиля?

Но все оказалось гораздо хуже. Луана решила вернуться во Францию, взяла билет на самолет, и авиакомпания уверила ее, что хомячок сможет

путешествовать у нее на коленях. «Если он будет в клетке, никаких проблем», — сказали ей. Но в аэропорту, когда Луана проходила контроль безопасности, служащий не разрешил ей взять с собой хомячка, потому что у нее не было медицинской справки, подтверждающей, что состояние ее здоровья требует эмоциональной поддержки. Катыша лишили права лететь на самолете.

— Рейс вот-вот, у меня не было времени кому-то его оставить, — рассказывала Луана. — И я сделала то, что мне посоветовал служащий. Бросила Катыша в унитаз.

Спаситель едва сдержал негодование.

— И спустили воду?

— Не-ет! — закричала Луана.

Катыш барахтался, тщетно пытаюсь выбраться, не в силах уцепиться за гладкий фаянс.

— Потом мне снились кошмары. Только во сне это была я сама.

— Вы?

— Да. В унитазе.

— Так, так, так.

— Мне посоветовали взять еще одного.

— Хомячка?

— Да.

Похоже, Луана считала, что Спаситель немедля снабдит ее хомячком.

— Их продают в зоомагазине «Жардиленд», — сообщил он.

— Не у вас?

— В «Жардиленде», — повторил Спаситель.

— Извините, что побеспокоила, — сказала Луана, берясь за сумочку. — Очевидно, это недоразумение. Сколько я вам должна?

Роясь в поисках кошелька, она уронила айфон. А когда наклонилась, чтобы его поднять, уронила сумочку, и по полу разлетелась часть ее содержимого.

— Вы так расстроены, — произнес Спаситель.

Сочувственная фраза, произнесенная низким красивым голосом, подействовала мгновенно, и Спаситель сразу же протянул моложавой пышной брюнетке коробку с бумажными платками. А она, только еще собиравшаяся — да нет, уже ставшая его пациенткой, — принялась промокать платочками карие, полные слез глаза.

— И что же вам снилось?

— Я подходила к унитазу, наклонялась, чтобы выловить Катыша, и падала туда сама. Собственно, это был даже не унитаз, а завихряющаяся воронка, как в миксере...

Указательным пальцем Луана чертила в воздухе круги, все быстрее и быстрее.

— Я всегда боялась унитазов, — прибавила она.

— То есть?

— Ну, что оттуда высунется рука... Или змея... Змеи водятся в сточных трубах. И еще маленькие крокодильчики.

Луана говорила манерным голоском актрисы, которая знает, что хорошенькая, играет плохо и вызывает невольный смех.

— Когда я была маленькая, никогда не решалась сесть на толчок. Из-за руки, которая может меня схватить. Понимаете?

— Конечно, — подбодрил ее Спаситель, давно привыкший к бзикам своих пациентов.

— Может быть, Катыш вылез из другого унитаза?

Луана обратила на Спасителя вопросительный взгляд. Он промолчал. Она опять настойчиво спросила:

— Он же мог пробраться по трубам?

— Кто знает, — снизошел Спаситель.

Оба замолчали, задумавшись о неисповедимых путях подземных лабиринтов. Однако Спаситель потянул Луану из лабиринта на свет.

— Вы мне не сказали, почему вам понадобился зверек для эмоциональной поддержки.

— Я где-то прочитала, что любовь длится не больше двух лет.

— Если иметь в виду физическое влечение, то от двух с половиной лет до трех.

— Хомячок может прожить даже четыре года.

— Черепахи доживают до ста.

— Вы правы. Я куплю себе черепаху. Мне необходима стабильность.

Луана ушла, заплатив за консультацию положенные сорок пять евро, и тут Спаситель сообразил, что пациентка вынудила его сыграть роль ее американского психотерапевта: они вместе выбирали животное, которое станет для нее новой эмоциональной поддержкой.

«Обожаю свою работу, — подумал он. — Но обеденный перерыв, пожалуй, подоспел сегодня очень вовремя!»

Пройдя через дверь, отделяющую рабочий кабинет с приемной от жилой части дома, он оказался в светлой просторной кухне, где младшие ребята обычно готовили уроки, а заодно притаскивали туда и своих зверушек. Взгляд Спасителя задержался на трех клетках, выстроившихся в ряд на плиточном полу: мадам Гюставия № 2, Чудик и Сержант. Как тут возразишь против того, что его терапия держится на хомячках? Да никак! От хомяков мысль Спасителя плавно перетекла к Габену, плотно обосновавшемуся у него на чердаке. Габен в качестве эмоциональной поддержки выбрал себе морских свинок. Вопреки ожиданиям, паренек получил вполне приличный аттестат средней школы, а затем стал советоваться со Спасителем, чем ему заниматься дальше. С одной стороны, его привлекала работа тестировщика видеоигр в

*BugTracker*¹, а с другой — хотелось стать адвокатом по уголовным делам. В итоге Габен записался на биофак, полагая, что два года совместной жизни с Домино и Складушкой дадут ему солидную фору по сравнению с другими студентами.

«Интересно, пошел он сегодня на занятия?» — подумал Спаситель и с сомнением усмехнулся.

Сомневался он не без оснований. Полдень миновал, а Габен все еще не вставал с кровати. Опершись спиной на подушки, он поставил себе на живот ноутбук и, придерживая в вертикальном положении дисплей, у которого расшатались оба крепления, смотрел себе ролики про морских свинок. Эти ролики выкладывали на «Ютубе» два великовозрастных приятеля-бородача. Сценарий был всегда один и тот же. Шазам² и Пигги с завязанными вокруг шеи салфетками собирались полакомиться листиком латука или свежим огурчиком, но тут появлялся Преследователь, старый ржавый робот, отдаленно похожий на Грендайзера³. И обед Шазам и Пигги утаскивался у них из-под усов то подъемным краном, собранным из конструктора «Меккано», то щипцами для сбора мусора. А затем следовала погоня за похитителем на свиномобиле или свинолете — транспортных средствах, созданных авторами с помощью «Лего», — в которые они как-то ухитрялись втиснуть несчастных свинок.

— Не хотел отвлекать тебя от важного дела, — раздался голос возле двери.

Габен мгновенно убрал с экрана изображение и перевел взгляд на Спасителя. Тот стоял, опершись на дверной косяк, и жевал бутерброд с колбасой.

— Глядя на тебя, есть захотелось, — сказал Габен.

— Скажи-ка, что ты вообще делаешь со своей жизнью? — поинтересовался Спаситель с набитым ртом.

— Ничего, — ответил Габен, пожав плечами.

Спаситель прожевал кусок и бархатным басом распорядился:

— Подъем.

— Да, я сейчас.

Габен спустил ноги с кровати и принялся растирать поясницу. Поза, в которой он пролежал не один час, была удобной только с виду. Он сделал два неуверенных шага, и сразу же рядом с его кроватью послышались возня и шум. «Уик! Уик!» — повизгивали Домино и Складушка, привстав на задние лапки. Как же они успели проголодаться!

— Сейчас! Можно обождать минутку?!

Морские свинки успели поднадоесть Габену. Все ему надоело, кроме роликов с Шазамом и Пигги. А если подумать, он и сам может снимать такие ролики. Построит с Полем и Лазарем из конструктора Свиногород и будет снимать любовные истории с участием Складушки и Домино. Он уселся на ручку хромого кресла и погрузился в мечтания о том, что мог бы сделать, не делая тем временем ровно ничего. Телефон, лежавший на одеяле, завибрировал. Только телефон, словно кусок сахара у собачки, пробуждал в Габене энтузиазм. Но на этот раз и телефон его не порадовал.

— Алиса? Ну чего?— скучным голосом протянул он.

— Габен? — Голос в трубке звенел от волнения. — Я тебе помешала? Ты на занятиях?

— Шутишь?

— Потрясающая новость! Я тебе расскажу! Сейчас нет времени! Будешь дома в четыре часа?

— Наверное...

— А точно? Новость — просто чума! Мы решили писать петицию! В общем, до встречи! Пока!

Габен бросил телефон на кровать и снисходительно усмехнулся. Алиса есть Алиса, не может жить без драм. Габен посидел еще минут десять, вяло опустил плечи и

уоставился в пустоту. Ему не хотелось встретиться на кухне со Спасителем.

Когда он спустился, Спаситель и в самом деле уже ушел на рабочую половину.

— Самюэль!

На веселый оклик со стула в приемной поднялся высокий молодой человек. Они не виделись со Спасителем чуть ли не год.

— Не знаю даже, с чего начать, — заговорил Самюэль, окидывая взглядом рабочий кабинет психолога и ища в нем изменения.

Но все тут было по-прежнему: кресла, кушетка, столик с игрушками для малышей. И картина «Странник над морем тумана» висела на том же месте.

— Как ты?!

— Не очень. В августе разбежались с Марго. А были вместе почти полтора года.

Самюэль говорил тем небрежным тоном, к какому часто прибегают застенчивые молодые люди, и Спаситель решил, что не лишним будет слегка пошутить.

— Полтора года — рекорд, согласись. В юности время влюбленности нужно умножать на семь, как собачью жизнь в переводе на человеческую.

Манера Спасителя утешать показалась Самюэлю грубоватой.

— Я ее не разлюбил.

— Прости, — извинился Спаситель. — Я не должен был так шутить. Нелегко найти сразу верный тон. Кажется, в последний раз мы с тобой сидели в кафе «Тупик».

— Может, угостишь меня сегодня сэндвичем?

Спаситель промолчал. Теперь настала очередь Самюэля определяться с верным тоном.

— Думаю, у меня как раз то самое, — снова заговорил Самюэль. — Любовь, я имею в виду. Ты мне как-то

сказал, что я романтик. Может, в этом все дело? Или я просто кретин. Позволил себя бросить, не понял...

Самюэль сидел сгорбившись, низко опустив голову, точь-в-точь как в те времена, когда его тиранила мать.

— Еще в июне мы огорчались, что придется на время расстаться. Отец отправил Марго в лагерь для богатеньких, мы обменивались эсэмэсками. Посылали друг другу фотки. Потом она поехала в Бретань с матерью и сестрой. Там, где они жили, не было интернета. От нее пришло письмо. Одно-единственное. Очень странное. С философскими цитатами и рисунками на полях.

— Так, так, так, — кивнул Спаситель. Он хорошо себе представлял интеллектуальный багаж Марго.

— А потом прислала открытку, написала, что предпочитает «на этом остановиться». Я хотел с ней увидеться в сентябре, когда все вернулись с каникул, хотел, чтобы мы хоть как-то объяснились. Говорил с ней по телефону. Она, видите ли, поняла, что не доросла еще до серьезных отношений, не хочет никаких обязательств. Сказала, что я ни в чем не виноват, во всем виновата она. В общем, обычная чушь. Наверное, встретила в этом своем лагере парня. Такого же, как она, с полным карманом денег. А я как был, так и остался сыном официантки.

— И пианиста с мировым именем, — прибавил Спаситель.

— У меня другая фамилия.

У Самюэля было два больных места: отношения с девушками и Андре Вьенер, его отец.

— Я видел, что у твоего отца было пять концертов в зале Ваграм. Хотел пойти, но билетов уже не было.

— Папа всегда даст тебе билет, я ему скажу.

Раз прозвучало «папа», значит, с этой стороны все в порядке. Вьенер теперь принимал участие в жизни

сына, переводил ему на банковский счет какую-то сумму.

— Я поступил на подготовительные курсы по специальности «математика». Почему — сам не знаю. Наверное, потому что легко дается. И еще я получил место в интернате. Хлопотами мадам Сандоз, — прибавил Самюэль. — Ты понял, о чем я.

Мадам Сандоз работала в лицее Ги Моке⁴ медсестрой.

— Я ей рассказал, в каких мы отношениях с мамой, постоянно на ножах. И она помогла, похлопотала за меня, теперь я живу в интернате, в комнате с одним парнем.

Самюэль довольно долго распространялся о своем новом приятеле Тибо. Он постарше, уже на втором подготовительном, но у них много общего. Тибо советует ему почитать кое-какие книги.

— У него большой опыт, — многозначительным тоном прибавил Самюэль.

— Успешная учеба, начало самостоятельности, друзья — двигаешься вперед понемногу, — подвел итог Спаситель.

— И у меня есть все для счастья?

— «Счастлив тот, кто умеет быть счастливым, несмотря ни на что»⁵. Полного комплекта не бывает никогда.

Самюэль кивнул. Да, это так. Может, он слишком много требует от жизни?

— Единственное, что для меня по-настоящему важно, — это любовь. Я любил Марго... Я ее люблю... Она переменчивая, с ней не всегда просто. Но я ее не сужу. И никогда не судил. Если я люблю, принимаю человека таким, какой он есть. Не ставлю условий.

Спаситель протянул ему коробку с бумажными

платками, но Самюэль предпочел вытереть глаза рукой и шмыгнуть носом.

— Я ничего не понимаю в девушках. Чего они хотят на самом деле?

— Думаю, на этом мы сегодня остановимся.

Самюэль сам задал вопрос, и ему будет о чем подумать эту неделю.

— Мадам Замани?

— Зря я вышла замуж за человека с такой фамилией, — отозвалась старушка, сидевшая в приемной. — Кончится тем, что я с ним разведусь.

Она положила на круглый столик журнал «Мари Клер», который до этого перелистывала.

— Проходите, мадам Мгмымы, — пригласил Спаситель, заглушив фамилию покашливанием.

Стало быть, мадам Замани была замужем за месье Замани, и у них был сын, а у сына тоже сын. Сын и муж держали питомник садовых растений и стояли во главе фирмы «Замани и сын».

— Я их всех терпеть не могу: и мужа, и сына, и питомник! — объявила мадам Замани.

— Вы рассержены, Раймонда.

— Терпеть не могу свое имя!

— А что вы любите? — осведомился Спаситель с напускным сочувствием.

— Вас! Вас я обожаю. Хотя вообще-то не слишком люблю цветных. Но вы, пожалуйста, не обижайтесь на меня, месье Спаситель, всему виной воспитание. У себя в деревне мы в глаза не видели черных людей. Только в книге для чтения на картинке: стоит такой страшный-престрашный, с костью в носу. А вы, как теперь выражается молодежь, очень даже сексуальный.

Спаситель от души рассмеялся. Откровенный расизм новой пациентки, смешанный с кокетством, его ничуть не коробил. Мадам Замани обратилась к нему по

рекомендации терапевта, доктора Дюбуа-Герена. Коллегу Спасителя обеспокоило то, что пожилая женщина принимает горстями лекарства, которые не приносят ей облегчения, а вот их побочные явления уже стали тревожными.

— С вами можно поговорить. Обо всем, — продолжала она. — И мне это очень приятно. Потому что я всегда должна держать рот на замке. Сначала так было с отцом. Потом с мужем. Теперь сын у нас царь и бог.

— А внук?

— Эмерик? — Она на секунду задумалась. — Тоже не подарок, но получше, чем старшие. Знаете, в моем возрасте не так много развлечений, так что приятно наблюдать за детишками. Тем более что это ничего не стоит.

— А как вас называет внук?

— Интересно, почему вы меня об этом спросили? Никто из нас так и не понял, почему он меня так называет.

— А как именно?

— Бяша.

— Он зовет вас Бяша?

— Да, с младенчества.

И тут Спаситель, поддавшись, как с ним часто бывало, спонтанному порыву, шагнул за предел территории, отведенной терапии:

— А что, если я тоже буду называть вас Бяша, а не мадам Замани?

— Ну-ка скажите мне что-нибудь, а я посмотрю, как это будет.

— Почему вы так рассержены, Бяша?

Ответ он получил незамедлительно:

— Потому что у меня украли мою жизнь!

Надо же! В восемьдесят один год Бяша обнаружила, что она феминистка.

«До чего же разнообразен мир!» — радовался про

себя Спаситель по мере того, как один за другим приходили к нему пациенты. Но ему не хватало еще одного. Девочки-подростка, которая постоянно была недовольна собой и не знала, чего же она хочет. Но Алиса скорее бы умерла, чем пошла на консультацию к психологу.

На сегодняшний день главная проблема Алисы звалась месье Козловский. Он преподавал французский язык и литературу в старших классах. Худощавый, с пепельными волосами, детскими синими глазами и немного вздернутым носом. Говорил он увлекаясь, захлебываясь, так что половины и понять-то было невозможно, обожал поэзию, трепетал, упоминая синекдоху⁶. «О время, не лети!» — умолял он высоким, почти женским голосом и летел сам, приподнимаясь на цыпочки.

По понедельникам Алиса с подругами Ханной, Мариной и Сельмой с самого утра попадали во власть месье Козловского. Он ни секунды не стоял на месте, размахивал руками перед первой партой, объяснял что-то у последней, наклонялся к тетрадям, вызывал учеников, зная каждого по имени и фамилии, спрашивал, диктовал, раздавал листочки с заданиями, неожиданно брал у вас учебник, был в курсе ваших последних отметок по математике и успехов на канате в физкультурном зале, помнил, оказывается, вашего старшего брата и, наконец, опустившись на стул, читал стихи. Например, такие:

*Чтоб свежий ветерок дыханьем ароматным,
И даже шелестом таинственным тростник, —
Все б говорило здесь молчанием понятным:
«Любовь, заплачь о них!»⁷*

— Прекрасно, воистину прекрасно! — восхищался он.

В этот день в конце урока ученики получили от него совершенно идиотское задание: *«Настройте ваше сердце на звуки лиры Ламартина и, соблюдая правила стихосложения, позвольте ему высказаться в словах (см. «Озеро»)»*.

Алиса никому не признавалась, но от Ламартина она просто тащилась, и вот что она написала, склонившись над белым листком:

Прощание с детством

*О детство безмятежности приют,
Веселье, смех и небо голубое
Остались в прошлом. Я в смятенье слезы лью
Страшась враждебности, насилья и разбоя.*

В понедельник Козловский вернул им домашнее задание, и на своем листочке Алиса прочитала: *«16/20. Bravo! Прекрасно выражены переживания переходного возраста. Вы меня потрясли! Ритм немного хромает, рифма приблизительная, есть ошибки в пунктуации»*.

От этой похвалы по спине Алисы пробежал электрический ток и ладошки вспотели. Она быстренько спрятала листок в папку.

После уроков Алиса с подружками обсуждали, как прошел школьный день. И очень скоро добрались в разговоре до отметок.

— Ты сколько за стихи получила? — спросила Марина Алису.

— Одиннадцать.

— Молодец, справилась. У меня двенадцать.

— А у меня восемь, — вздохнула Сельма, хотя ее никто не спрашивал.

— Лузер, — насмешливо процедила Марина.

Она любила быть всюду главной и царила у них в компании чуть ли не с первого класса, когда они

начали дружить. Но недавно Марина вдруг почувствовала, что Алиса ускользает из-под ее влияния.

— Мне еще в магазин, всем всего! Чао! — попрощалась Алиса.

— Надо же! — разочарованно воскликнула Марина, глядя ей вслед.

Алиса и сама не могла объяснить, почему не сказала правду. Ей хотелось наслаждаться победой в одиночестве, и она шла, читая про себя свое стихотворение, которое заканчивалось строками:

*И всех, кого люблю, и всех, кто мне знаком,
Ответить мне молю: вернусь ли я в свой дом?*

— Прекрасно! Воистину прекрасно, — сказала сама себе Алиса и словно бы услышала голос Козловского. А он все-таки написал ей на полях: «Повторите, пожалуйста, выделение деепричастного оборота и знаки препинания при обращении».

На улице Мюрлен тишина и покой. «Комаришки», как Алиса называла младших, еще не вернулись из школы. Она сразу же постучалась в дверь к Габену — их комнаты на чердаке находились рядом.

— Да? — откликнулся Габен и убрал с экрана Шазама и Пигги.

Он так и не собрался окончательно встать с кровати. Электрический обогреватель постоянно поддерживал в комнате необходимую свинкам температуру, и Габен, наслаждаясь приятным теплом, ходил у себя в комнате в трусах и майке. Природа не поскупилась для него на отличное телосложение: широкие плечи, бицепсы, плоский живот, стройные ноги — Габен смотрелся настоящим атлетом, не приложив к этому ни малейших усилий. Алиса вошла и уселась в единственное кресло с продраным сиденьем. Когда они только переселились

на улицу Мюрлен, она ненадолго влюбилась в Габена. Но надежды на взаимность не было никакой, он не отделял ее от «комаришек». Правда, и она тогда была прыщавой закомплексованной девчонкой. Зато теперь превратилась в девушку. Хотя тоже прыщавую и закомплексованную, но все-таки...

— Ну и какая у нас сегодня драма? — покровительственно осведомился Габен.

Алиса порылась в сумке, которую поставила на пол, и вытащила помятый листок бумаги. Оказалось, что их школу выбрали для тестирования нового школьного распорядка, который собираются ввести по всей Франции со следующего года. Габена все это мало интересовало, но он машинально протянул руку и получил бумагу со следующей шапкой:

Французская Республика

К сведению преподавательского состава и учеников учебных заведений

Цель: изменение внутреннего распорядка в школах для обеспечения безопасности учащихся.

Габен собрался наскоро пробежать глазами содержание бумажки, но на первом же абзаце застрял.

— Что за хрень?

И он начал читать вслух, словно желая убедиться, что на бумаге все так и написано.

— *Пункт первый. Каждый класс будет оснащен камерой видеонаблюдения. Все уроки будут записываться. Министерство будет использовать полученные материалы как в педагогических целях, так и в критических ситуациях.*

Габен поднял голову и вопросительно посмотрел на Алису.

— Ты читай, читай! Обрати внимание на пункт третий!

— Ученики обязаны одеваться скромно. Для учащихся женского пола исключаются короткие юбки, большие вырезы, бижутерия, вызывающий макияж...

— А дальше, — прервала его Алиса, — кроссовки остаются только для физкультуры. Но это уж нет! Мы подадим петицию!

Габен изумленно посмотрел на нее:

— Значит, петиция будет из-за кроссовок?

— Я, во всяком случае, буду их носить! — пообещала возмущенная Алиса.

— А то, что вас в классе будут снимать, — это как?

Она передернула плечами.

— Это из-за всяких там террористических актов. Ты же помнишь, в Америке? Они называются...

Алиса, довольная собой, вспомнила английское выражение *school shooting*⁸. Габен с ней не согласился. А защита изображения?⁹ А право на личную жизнь? Вас что, и в клозете снимать будут? Но его негодование быстро выдохлось.

— В общем, гадство. Покажи Спасителю.

— А что ты смотрел? — Алиса ткнула пальцем в ноутбук.

— Ролики с морскими свинками.

Алисе стало любопытно. Она скинула кроссовки и залезла к Габену под одеяло. Они пристроили между собой компьютер, поставили ноги домиком, чтобы экран не завалился, и стали смотреть. Прошло полчаса, а они все смотрели, хохоча, как малые дети, и распевая после каждого эпизода: «Мы друзья навсегда! А кто гонит, не догонит! Никогда, да, да, да!»

Великовозрастные приятели-авторы понемногу набирались профессионализма и снимали уже ролики на улице, а точнее, в городском парке: свиномобиль чуть не врезался в дерево, свинолет приземлился в бассейне, к большому неудовольствию обеих свинок.

— Черт! Времени-то сколько! — внезапно спохватилась Алиса. — А у меня еще уроков полно!

— Парни уже дома, но что-то я их не слышу, — отозвался Габен и сбросил ногами одеяло. Встал и босой зашлепал вниз по лестнице на кухню. — А-а, вот вы где, — сказал он, увидев Лазаря и Поля за большим столом на кухне. Один за ним работал, другой мечтал. — А Жово где?

— Пока не вернулся.

Габен вышел на веранду и взгляделся через стекло в плотную темноту, которая успела накрыть сад. Старый легионер частенько отпраивался бродить по городу и, случалось, забывал вернуться домой, считая себя по-прежнему бомжом. Спаситель снабдил его мобильником с крупными клавишами и записал четыре номера: свой, Габена, Луизы и скорой помощи. Старик отозвался только на шестой звонок.

— Жово? Ты где?

— Неподалеку от реки, парень. Тетки вокруг занавешенные.

— На какой ты улице?

— На той, где торгуют кускусом.

— На улице Карм. Не трогайся с места. Я сейчас. — Габен домчится туда в две секунды. — Парни, я одеваюсь — и за Жово!

— Ага, — согласились парни, ничуть не встревожившись.

Поль вытащил Чудика из клетки и старался заставить его прыгать через карандаш. Но малыш хомячок был уже не молод.

— У тебя что, уроков нет? — спросил Поля Лазарь с явным укором.

— Я маму жду.

Они теперь учились в коллеже Жанны д'Арк, оба в четвертом, но в разных классах. Лазарь быстро рос,

он был уже на голову выше Поля и сильно раздался в плечах.

Когда наступали сумерки, ему становилось грустно, он чувствовал себя все тем же одиноким мальчуганом, который ждал и никак не мог дожидаться отца с противоположной половины дома, где тот работал. И ожидание иной раз казалось ему вечностью.

— Мейлис? Неужели ты?.. Добрый вечер, Лионель! Давно не виделись. Года полтора, я думаю!

Мейлис, хорошенькая рыжая девочка с золотистыми глазами, остановилась посреди кабинета и с недовольным видом уставилась в пол.

— Ты стала настоящей барышней, — сделал ей комплимент Спаситель.

— Мне всего шасть.

— Что-что?

— Вот именно. В этом и проблема, — сообщил ее отец, пристроившись на кушетке. — А у меня все не так уж плохо, если вас это интересует.

Последней новостью была следующая: Лионель получил опеку над дочерью. Они это полюбовно уладили с Клоди, его бывшей, которая нашла себе работу в Лондоне.

— Ты не хочешь сесть, Мейлис?

— Не зынаю...

— Не зынаешь, — повторил ее слова Спаситель.

— Она меня с ума сведет, — простонал Лионель. — Бред какой-то! Началось все с сентября. Ей шесть, и она пошла в школу.

— Так, так, так.

Мейлис продолжала стоять посередине комнаты, но искоса посматривала на детский столик и коробку с игрушками.

— Садись, поиграй, — пригласил ее Спаситель.

Раньше, когда Мейлис приходила на сеансы терапии,

она слушала разговоры взрослых, а сама играла за столиком в пластиковых корову и теленка.

— Варысла, — пробурчала Мейлис.

— Слыхали? — спросил Лионель с притворным спокойствием. — Иногда бывает не так заметно. Как говорит ее учительница, Мейлис «плохо различает гласные».

Спаситель прекрасно помнил, как Мейлис доводила родителей кашей во рту, картавостью, шепелявостью, подражая младенцам. Он решил не обращать внимания на очередную речевую проблему и спросил Лионеля, что их заставило прийти к нему.

— Разве не ясно? Учительница... Как зовут твою учительницу? Мадам...

— Радегу, — ответила девочка, не глядя на отца.

Лионель подхватил:

— Вот именно, Дюмейе! Мадам Дюмейе порекомендовала мне обратиться к логопеду.

— И что?

— Логопед выставил нас за дверь.

Лионель заговорил нарочито неприятным тоном, изображая логопеда: «Это не моя проблема! Обратитесь к психологу!»

Спаситель искоса наблюдал за девочкой. Она продолжала стоять столбом посреди комнаты, ясно показывая, что пришла сюда не из-за собственных трудностей.

— А как у вас дела, Лионель? Чем вы сейчас занимаетесь?

— Я? Процветаю в торговле.

Целых десять лет Лионель пытался довести до ума компьютерную игру, которая затмила бы *Second Life* и *Fortnite*¹⁰. Теперь ему было тридцать пять, и он обновлял в интернете сайты для «Веселой буренки»¹¹ и погребального бюро *RocEclerc*, навсегда похоронив